НАТАЛЬЯ КРИММЕР

Осенняя история

Наталья Криммер
Осенняя история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44827984
ISBN 9785005045584

Аннотация

«Любовь выскочила перед ними, как убийца из переулка…», – написал Михаил Булгаков о первой встрече Мастера и Маргариты. Наша любовь из переулка не выскакивала, но точно села с нами в автобус. Может быть, ей нужно было ехать куда-то, и нас она зацепила мимоходом. И нас захлестнули её чары. Именно захлестнули, не коснулись, не появилось ощущение, а захлестнули и придавили своей неотвратимостью. Тем, кого посетило это удивительное чувство, посвящается эта книга. И тем, кого оно обязательно посетит.

Содержание

1. Начало 5
2. Ночной звонок 10
3. Мне нужно много сил 16
4. Значит познакомились 22
5. Любовь выскочила перед нами… 26
6. Наша золотая осень 31
7. Ты мне снишься 36
8. Больничные тайны 38
9. Страшная новость 41
10. Почти смотрины 44
11. Курс на выздоровление 51
12. Дядя Володя 53
13. Антон 58
14. Роман – это ты 64
15. Визиты нескончаемым потоком 67
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Осенняя история

Наталья Криммер

© Наталья Криммер, 2019

ISBN 978-5-0050-4558-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как только осень принесёт дожди
И небо тучами укроет безнадежно,
О, как становится тревожно!
Всё что-то хочется увидеть впереди.
И грусть без меры, и за годом,
Как будто видится – она!
То ли волшебная свобода,
То ли любовь, то ли весна.

1. Начало

Момент, когда нужно было сдавать очередной сценарий, неумолимо приближался. Не могу сказать, чтобы я очень боялась его приближения, но всё же жить с ощущением, что ты кому-то что-то должен, довольно неприятно. И поэтому, в конце концов, нужно было взять себя в руки или руки в ноги, или ещё что-то там взять, подойти к компьютеру и начать создавать «бессмертное творение», посвящённое очередному новому году.

Задача несколько осложнялась тем, что на дворе стоял июнь, и думать о декабрьских холодах крайне не хотелось. И не меньше она осложнялась тем, что совсем недавно, я впервые написала сценарий для кино. Самое смешное, что он был принят к производству. Конечно, немаловажную роль сыграло то, что мой муж – Никита Акимов, довольно известный режиссер. И именно он решил снимать мою киноисторию. Спасибо ему за это, конечно. Но пока я не отказалась от развлекательной сферы, работу нужно было исполнить, и отступать было разумеется некуда.

За окном шёл дождь, его крупные капли со звоном ударялись о железную крышу. Я зашла в спальню, на кровате тихо посапывал Никита. Он всегда умел устраиваться так уютно, что тот час же хотелось всё бросить, немедленно шмыгнуть к нему под бок и постараться поймать его счастливые

наверняка цветные сновидения. Но даже думать на подобные темы я себе сразу запретила. Вздохнула, посмотрела на часы, было половина первого. В голову снова змеёй заползла крамольная мысль: «может лечь сейчас поспать, а завтра…». Но я с позором отправила непрошеную гостью, как мне показалось, в «бессрочный отпуск» и смело шагнула к компьютеру. Хотя оказалось, что преодолеть пространство восемнадцатиметровой комнаты, не так-то просто. По дороге я задержалась у шкафа, открыла дверцу и, с задумчивым видом, прикинула что завтра надеть, но не найдя консенсус с самой собой, решила оставить решение этого судьбоносного, интересующего каждую женщину, вопроса до утра и двинулась дальше. Коробочка духов на туалетном столике вызвала мой живейший интерес. Я покрутила её в руках, открыла, извлекла фиолетовый флакончик причудливой формы, понюхала, вспомнила увещевания консультантов в парфюмерных магазинах, что запах нужно слушать, чтобы ощутить шлейф… Послушала, услышала тиканье часов и шум, усилившегося дождя. Встала и двинулась дальше.

Самым страшным препятствием на моем пути к успеху была кровать. Преодолеть его было настолько трудно, что я даже зажмурилась и тут же стукнулась о балконную дверь. Пришлось немедленно открывать глаза и садиться за компьютер.

«Вот интересно, какому дураку пришло в голову оборудовать рабочее место в спальне?» – спросила я сама себя. Но,

свалить вину было совершенно не на кого. Ведь здесь проживают всего два человека: я и мой муж. Ну, не мы же. Хотя этот уголок, где пристроился компьютер, очень уютный и, безусловно, располагает к занятиям творчеством. Я открыла ноут, ужаснулась – какая пыль! Каждый день вытираю, а она опять собирается. Нужно бы сходить за тряпкой и протереть, но потом вернуться сюда будет ещё сложнее. Видно такая моя несчастная судьба, когда все порядочные, а может быть, и не очень порядочные люди спят, я должна напрягать свои мозговые ресурсы и…. Никита заворочался на кровати, сонно проворчал:

– Может, ты выключишь свет? И уже ляжешь.

Это было спасение. Конечно, ему завтра рано вставать. У него самолет в девять, значит, в аэропорту нужно быть не позднее восьми. Из-за меня он не сможет нормально выспаться. Я должна, я просто не имею права мешать ему отдохнуть перед дорогой и тяжелым рабочим днем. А, тем более, мне же его везти, я же тоже должна быть в форме. Через секунду я уже вытянулась на прохладной мягкой простыне и расслабилась.

Как хорошо! Дождик усилился, теперь уже о балконный козырек ударяли не отдельные капли, целый водяной поток с грохотом обрушивался на металлическое препятствие. Создавалось впечатление, что настраивается оркестр ударных инструментов. Оркестр. В голове промелькнула заученная фраза: «гостей встречает духовой оркестр, ансамбль, дикси-

ленд…». А действительно, кто их, все-таки, будет встречать? Память тут же подкинула старую заготовку: «ростовые куклы и веселые клоуны приветствуют гостей, поздравляют с наступающим праздником…». Я закрыла глаза. Мне на встречу шёл клоун. Тот самый, веселый разноцветный клоун. Он улыбался мне во всю ширь своей красногубой улыбки. Клоун приблизился и почему-то резко увеличился в размерах. Я уже не видела его лица, перед моими глазами сияла, какой-то кипельной облачной белизной, его накрахмаленная манишка. Я шагнула в эту манишку и…. оказалась в саду.

Я шла по дорожке, перешагивая через маленькие лужицы. Пахло прохладой и свежей зеленью. Рядом со мной шла моя лучшая подруга Маринка. Она куталась в накинутую на плечи розовую шаль. В глубине сада показались очертания дома, в первый момент я даже не заметила его за густой сочной листвой. На пороге стоял седой человек в ярко-красной рубашке и чудных, заляпанных краской, серых штанах. «Художник», – подумала я. И словно эхом откликнулась Маринка:

– Это и есть твой чудо-художник?

– Мой? Почему же он мой? – удивилась я.

И вдруг дом и сад как будто растворились в воздухе. Передо мной стояло дерево: огромное, с толстым, явно многовековым стволом. Я попыталась его обойти, но оказалось, что это, как часто бывает во сне, не так-то просто. Я делала шаг вправо, и ствол словно, следовал за мной, влево, дерево по-

вторяло мои движения. Вдруг я услышала соловьиную трель, как будто музыка, звучал чистый нежный голосок. «Боже, как красиво»!

Я подняла голову, пытаясь рассмотреть среди листвы чудо-певца. Но никого, даже отдаленно, напоминающего соловья, не увидела. На ветке сидела ворона, она старательно открывала рот, выдавая соловьиные трели.

«Ничего себе, и здесь фонограмма», – подумала я. Хотя воронья песня сейчас уже звучала не так музыкально, как это мне показалось в начале. Да это совсем и не настоящая птица. Не может живое существо издавать такие мерзкие, однообразные звуки. Металлическое треньканье всё нарастало и стало противно даже самой исполнительнице. Ворона напоследок еще раз разинула рот, взмахнула чудовищно огромными крыльями… На мгновение стало совсем темно….

Я открыла глаза. Звонил городской телефон. «Вот кому это пришло в голову позвонить среди ночи?». Я пошарила на тумбочке, там трубки, разумеется, не оказалось. Аккуратный Никита ещё вечером поставил её на базу в гостиной. Я встала, наткнулась на огромного плюшевого кота, вольготно развалившегося на ковре, мысленно обругала и кота, и того деятеля, который сейчас нарушил мой сон и подошла к телефону.

– Алё…

2. Ночной звонок

Наша жизнь, душевный покой, личное счастье, даже воздух, которым мы дышим, всё это крайне эфемерное понятие и может рухнуть, как карточный домик от внезапно налетевшего урагана. Да нет, от простого дуновения ветерка, а, в общем, и ветерок тут особенно не нужен, достаточно простого телефонного звонка.

И совершенно неважно, что мы годами строили наш дом, как Атланты держали на своих плечах крышу, как трудолюбивые птички заделывали отверстия в стенах, чтобы сохранить тепло, выметали грязь, не мели сор, а именно «выметали грязь» ведь, как все мы помним с детства «чистота залог здоровья». Но все наши титанические усилия, создать «новую светлую жизнь», оказываются ничем перед обычным телефонным звонком.

– Я тебя ненавижу! Ты испортила мне жизнь! Если бы не ты, я смогла бы быть счастливой. – женский голос в трубке сорвался на крик. – Но нет, мне этого не дано. Нужно было все делать с оглядкой. Одеваться, как «Наташа». Готовить, как «Наташа». Говорить…. Да даже мой собственный сын считал тебя эталоном…. Я ненавижу тебя!

– Ты позвонила в три часа ночи, чтобы сказать мне это? Довольно долго собиралась, десять лет прошло, – спокойно

ответила я. Это «спокойно» стоило усилий, но я постаралась и, кажется у меня получилось.

– Да нет, – вдруг более спокойно заявила собеседница, – я никогда бы не позвонила, если бы ты опять не встала на моем пути.

– Интересно, каким же это образом? Я не общалась с ним уже много лет.

– А тебе этого и не нужно. Ты и так никогда не оставляла его. Сколько раз он называл меня твоим именем. Я ненавижу тебя! – снова перешла на крик звонившая.

– Вообще-то, этот рефрен я уже слышала, – напомнила я.

– Ничего послушай, тебе полезно! – истерично взвизгнула дамочка.

– Ты знаешь, стоит закончить этот бессмысленный разговор, – миролюбиво предложила я.

– Закончить не получится, потому что он ещё не начался! – она опять перешла на вполне нормальный тон, но я нисколько не удивлялась столь сильным перепадам настроения, это было вполне в её стиле. – Дело в том, – мрачно продолжила она, – что Станислав Сергеевич в больнице. В очень тяжёлом состоянии. Несчастный случай…. Что-то там он монтировал на высоте. Мог бы сам не лезть, но, ему, же надо авторский надзор осуществлять. Доосуществлялся! – начала заводиться нежданная собеседница, – вот и результат! Ни о ком не подумал: ни обо мне, ни о сыне! Упал, там высота больше трёх метров была. Сейчас без со-

знания. Он приходил в себя и звал тебя. Понимаешь, я отдала ему всю жизнь, а он! Он, жил со мной, а думал всё это время о тебе! Я не хотела тебе звонить. Но врачи говорят, что всё очень плохо и он в любую минуту может уйти. И даже, не смотря на это, я не хотела тебе звонить. Но…, – она запнулась и выдохнула, – но, не смогла…

– Где он? – тихо спросила я, спросила почти беззвучно, голос не слушался, но она услышала, ответила.

– В госпитале военном, в неврологии в реанимации. Его готовят к операции. Туда не пускают, но доктор сказала, что тебя должны пустить.

Ничего то не стоит наша, так называемая уверенность в завтрашнем дне. Мы думаем, что хотя бы что-то мы решаем сами за себя, но это оказывается совершенной иллюзией. Ещё несколько часов назад мне казалось, что я хорошо знаю, что ждёт меня завтра. Но мои обыкновенные житейские планы разрушились, не начав осуществляться. В мой дом постучалась беда, *чужая* беда. А может быть и не *чужая.*

Я вышла на балкон. Дождь закончился и воздух был наполнен такой упоительной. душистой прохладой, что захотелось вдохнуть его, как можно больше и задержать в себе, чтобы подольше осталось это ощущение предутренней свежести и легкости. Но воздухом впрок не запасешься. Да и тешить себя надеждой, что ночь длинная и за это время может что-то измениться, как-то не приходилось. Тем более, глядя

на небо, становилось понятно, что рассветет уже очень скоро.

Нужно, что-то решать. А, что собственно, я могу решить. Нужно ехать в больницу…. А нужно ли? Столько лет прошло… Мы не виделись… Разговаривали по телефону несколько раз, но это были какие-то поздравления с праздником или что-то ещё. Да нет, не стоит врать самой себе, всё, что говорила Яна, совершенно правильно. Он действительно никогда не забывал меня. И действительно жил с ней, а думал обо мне… Несколько телефонных звонков… Что это были за звонки. Чего они стоили такому гордому, своенравному человеку! Каждый звонок мог полностью изменить его жизнь, он был к этому готов. А я сгорела. И каждый его «подвиг» вызывал, какой-то синтез не самых достойных эмоций. Сначала злорадства и самодовольства. Потом и это прошло. Стало безразлично и немного жаль… его. Не знаю, может, и себя…

Сейчас в памяти всплыл один подобный разговор. Мы с Никитой тогда только поженились, обустраивали квартиру, сделали ремонт. Всё новое, красивое, пахнущее свежестью и надеждами. Я впервые почувствовала себя хозяйкой дома, которая должна содержать всё в чистоте, готовить обед и тому подобное. Нельзя сказать, что мне кто-то делегировал эти обязанности, мне просто самой хотелось быть идеальной женой и хорошей хозяйкой. Никита нисколько не возражал и всегда во мне подобные стремления поощрял и культиви-

ровал: хвалил, восхищался моими кулинарными успехами, радовался вместе со мной. В тот день я задумала сделать генеральную уборку: пропылесосила ковры, смахнула пыль, протерла пол. Телефонный звонок отвлёк меня от чистки зеркала. Зеркало было старинное – в полный рост, я вытирала зеркальную поверхность и, как бы невзначай, любовалась своим отражением. Телефон уже минуту настойчиво звонил, когда я наконец соблаговолила ответить на вызов.

– Алё, – мурлыкнула я.

Телефон был городской, определителя номера у нас не было и знать заранее чей голос услышу я не могла. Хотя, почему-то забеспокоилась, снимая трубку.

– Здравствуйте, девушка! – довольно бодро поздоровался Стас, – я уж подумал, что тебя дома нет, так долго не отвечала.

– Нет, я дома, – улыбнулась я своему отражению, – просто немного занята, – ответила я и в подтверждение своих слов потёрла и так уже чистое зеркало.

– Занята? – переспросил Стас, – или разговаривать не хочешь?

– Почему же не хочу? – в свою очередь переспросила я и, довольно официальным тоном, сказала: – очень рада тебя слышать.

– А я хочу тебя не только слышать, но и видеть, – сказал Стас и вдруг совершенно нетипично для себя продолжил, – я соскучился.

«Соскучился он! – мстительно подумала я, – тоже мне скучальщик нашёлся». Поскольку вслух я ничего не сказала, моему собеседнику пришлось самому продолжить разговор.

– Я сейчас в московской мастерской, может быть, найдёшь время, заедешь повидаться.

– Нет, я, к сожалению, действительно не смогу, очень занята, – я снова потёрла зеркало, как будто самой себе хотела продемонстрировать, как чудовищно я занята.

Стас ещё немного поуговаривал, потом поняв, что никакого положительного решения не добьётся, бросил это бесперспективное занятие и распрощался.

А я, положив трубку, осталась сидеть перед зеркалом с довольно насмешливым и самодовольным выражением лица. Сейчас, спустя много лет, почему-то за это самодовольство и насмешку, мне запоздало стало стыдно.

«Глупости, – увещевала я себя, – в больницу съезжу и это дурацкое неудобство пройдёт. Или всё-таки не ехать? – продолжала я сомневаться, – забыть про её звонок. Отключить городской телефон, убедить себя, что вся эта история мне приснилась». Я, с надеждой, теребила какие-то глубинные струнки моего характера, пытаясь за что-то зацепиться, но нужных «крючочков» не нашла, поняла, что наверняка поеду и пошла варить кофе.

3. Мне нужно много сил

Простояв на всех возможных светофорах и преодолев все обязательные и, уже привычные москвичам, пробки, я добралась, наконец, до больницы. До этого с теми же дорожными трудностями, я отвезла Никиту в аэропорт. Отвезла, наскоро простилась и рванула в больницу.

Заехать на территорию мне, разумеется, не разрешили. Не помогли, даже предложенные мной пиастры, в роли которых выступали двести российских рублей. Два дюжих молодых человека проявили чудеса альтруизма и бдительности, вероятно заподозрив во мне всех возможных террористов, которые ежедневно атакуют вверенный им стратегический объект. Пришлось оставить машину и отправляться пешком, бороздить необъятные просторы старого ещё советской постройки медицинского учреждения, в поисках нужного отделения.

На территории больницы, как всегда царил хаос. Несмотря на ранний час, взад и вперед сновали люди с озабоченными лицами, молоденькие медсестры, сбившись в кучку, на крыльце какого-то сомнительного здания, курили и хихикая обсуждали, какие то только им известные девичьи дела. И, как это водится в подобных местах, никто ничего не знал, и никому не было ни до кого дела. Найти без проблем можно было одно единственное заведение с коротким и лаконич-

ным названием – морг. Чья-то невидимая заботливая рука развесила везде таблички с указателем, где найти это популярное место.

Наконец, нашлась девчушка, по виду школьница, пролетавшая мимо меня с какими-то склянками в руках, сжалилась, над заблудившейся посетительницей, и указала нужный мне корпус.

Сказать, что я не люблю больницу, это не сказать ничего. Как только я попадаю в медицинское учреждение, и в нос забивается особый, какой-то тоскливый больничный запах, у меня сразу появляются симптомы всех возможных заболеваний. Становится трудно дышать, подступает тошнота, колотится сердце и создается впечатление, что мне уже давно пора отправляться в тот самый домик, который легче всего найти на больничной территории. Именно в таком состоянии я переступила порог корпуса нейрохирургии. У двери, перегороженной железным турникетом, скучал очередной бравый молодец, к которому я незамедлительно обратилась.

– Добрый день. Будьте любезны, подскажите, как мне узнать, в какой палате находится больной?

Парень окинул меня скучающим взглядом, собрался с мыслями и ответил:

– Справок не даём.

– А, где можно получить справку? – снова, обратилась я с вопросом.

Охранник глянул на потолок, я проследила за его взгля-

дом, предполагая, что где-то там может находиться справочное бюро, но ничего похожего на окно информации, так и не увидела и повторила вопрос.

– Так где же, все таки, можно узнать?

– На главном посту, – сказал парень и широко зевнул.

– А, где находиться главный пост? – продолжала я допрос. Снова затянулась пауза, я начала терять терпение.

– Там, – вдруг сказал парень, устремив свой бессмысленный взор, в какие-то только ему видимые дали.

– Там это где? – я поняла, что начинаю заводиться, и это не предвещало ничего хорошего ни мне, ни доблестному стражу порядка.

– У главных ворот, – я ещё раз мысленно проделала путь от входа до корпуса и пришла к выводу, что подобное путешествие мне не по силам и полезла за кошельком. Конечно, не следовало бы баловать этого отмороженного деятеля, но хорошее отношение к себе победило. Я достала триста рублей, неслыханная щедрость, но что мне оставалось делать. Как будто впервые начиная разговор с охранником, я сказала:

– Молодой человек, Вас не затруднит, выяснить в какой палате находится Станислав Сергеевич Святогоров и кто его лечащий доктор? – взгляд парня прояснился, он взял деньги, аккуратно свернул купюры, засунул в нагрудный карман и снял телефонную трубку.

Через несколько минут, я уже была в отделении, у кабинета лечащего врача. Я постучала, и не дождавшись ответа, заглянула внутрь. Доктора там не оказалось, зато на подоконнике восседала молоденькая девчонка и самозабвенно болтала по телефону.

– Извините, – обратилась я, – не подскажите, как найти Ларису Константиновну? – девочка, оторвалась от телефона и обернулась ко мне.

– А это я. Что Вы хотели? – спросила доктор, легко спрыгивая с подоконника, – проходите.

«Ничего себе, – изумилась я, – почти детям доверяют жизни людей».

– Вы, по какому вопросу? – повторила врач.

– Я пришла узнать о состоянии Станиславе Святогорове.

– Проходите, присаживайтесь, – доктор, как-то сразу посерьезнела и, как будто, повзрослела. На самом деле стало понятно, что ей совсем не так мало лет, как мне показалось на первый взгляд. На самом деле ей было, наверное, немного за сорок, но хрупкая фигурка и незатейливый хвостик, создавали иллюзию юности.

– А Вы ему кем приходитесь?

А действительно, «кем»? Честно говоря, я сама не могла ответить на этот вопрос. Мы не виделись много лет, даже по телефону почти не общались… Вероятно, следовало сказать, что мы совершенно чужие люди. Но тогда зачем я сюда

пришла? У меня всегда так, разобраться в самой себе, гораздо труднее, чем решить какие-то более сложные жизненные задачи. Неожиданно доктор пришла мне на помощь.

– Вас, очевидно, зовут Наташа?

– Да, – кивнула я. – Мы разве встречались раньше?

– Нет. Он просто называл Ваше имя. Я почему-то сразу поняла, что это Вы. Судя по тому, что больной находясь в таком состоянии, говорил о Вас, Вы, наверное, много значите в его жизни.

– Это давняя история. Как он сейчас?

– Не буду Вас обнадеживать. Состояние тяжёлое. Завтра, ему предстоит повторная операция. Мы со своей стороны сделаем всё возможное. А дальше многое зависит от его организма и от вас.

– От меня? – удивилась я.

– Я имею в виду его близких. Главным фактором влияющим на выздоровление после подобных операций, является душевное состояние больного. А это, скорее семейный, а не медицинский аспект. Хочу Вас сразу предупредить, процесс реабелитации будет не из легких, да и времени займет много. Но об этом рано пока говорить.

– А можно его увидеть?

– Сейчас нет. Его готовят к операции. Позвоните мне завтра во второй половине дня, – доктор протянула мне визитку.

– Спасибо!

– Держитесь, Наташа, – как-то очень тепло сказала Лариса Константиновна, – Вам понадобится ещё силы, – и секунду помолчав, повторила, – много сил.

4. Значит познакомились

Я вышла на улицу и поплелась к машине. На душе было тяжело и как-то сумрачно, захотелось с кем-то поделиться, всем случившемся и я набрала телефон Маринки. Подруга, как всегда, была за рулем и неслась на очередную деловую встречу.

Я попыталась в двух словах изложить, навалившиеся на меня проблемы: сказала в каком состоянии сейчас Стас, которого она прекрасно знала, что он уже несколько дней не приходил в сознание, а когда ненадолго очнулся назвал моё имя. Что положение крайне тяжёлое, и я вообще не знаю, что будет дальше. У меня создалось впечатление, что Маринка слушает меня довольно внимательно и старается вникнуть в серьёзность ситуации, но последовавший вопрос развеял все мои надежды.

– Так он сам тебе звонил? – спросила Маринка.

И я поняла, что совместить верчение руля, нанесение макияжа, листание ежедневника и общение со мной оказалась крайне затруднительно даже для такой активной барышни, коей являлась моя подруга.. «Значит, познакомились…» пришла мне в голову крылатая фраза нашей институтской молодости.

Эта сакраментальная фраза принадлежала одной крайне знаменитой и значительной особе, явно входившей в элиту

нашего левобережного института. Была она никем иным, как вахтёршей в общежитии и, согласно занимаемой должности, обладала неограниченной властью над студенческой личной жизнью.

Мы с Маринкой, будучи москвичками, не имели заветных пропусков в общежитие, но на первых порах романтика вольной «безродительской» жизни, так привлекала, что мы попытались взять штурмом непреступную крепость тётизиночкиного укрепления. И надо сказать, добились успеха. Вахтёрша тётя Зина прониклась к нам искренней любовью и доверием. Она вообще любила всё положительное. Милые, воспитанные дети из хороших семей вызывали у неё симпатию и всегда были допущены на, охраняемую ей территорию. Но если студент, а особенно студентка попадали, под ей самой придуманную, категорию «лохмотья», то можно было даже имея пропуск, не попасть домой.

Была у тети Зиночки одна замечательная особенность, которой пользовались ребята, желавшие завоевать её доверие, она любила быть в курсе сердечных дел своих подопечных, а иногда и сама баловала присутствующих воспоминаниями о своих женских победах. Однажды, одна иногородняя первокурсница, познакомилась со сногсшибательным московским парнем, обладавшим всеми, по тем временам, мужскими достоинствами: квартирой, машиной, дачей и родителями, работавшими заграницей. Девочка провстречалась с ним полгода и получила заветное кольцо и предложение

руки и сердца.

Обезумевшая от счастья она понеслась делиться потрясающей новостью с тётей Зиночкой. Рассказывала всё, с самой первой встречи, в мельчайших подробностях: как они встречались, ходили в театр, кино, кафе, как он дарил ей цветы и подарки, как пригласил к себе домой и познакомил с родителями, оказавшимися очень кстати в Москве, как они хорошо её приняли и теперь она счастливая невеста и через месяц у неё свадьба. На протяжении всего рассказа тётя Зиночка согласно кивала головой, по своему обыкновению, в сотый раз протирала тряпочкой поверхность своего стола, поправляла на полных ногах сбившиеся, как она говорила «капроны», произносила своё неизменное «игы», одним словом, вела себя так, как будто она полностью поглощена рассказом своей собеседницы. Но, когда все подробности, распалившейся девчонки, иссякли, а на часах была уже половина второго ночи, хотя беседа началась ещё до полуночи, тётя Зиночка ещё раз кивнула головой и выдала фразу, которая сразу вошла в наш лексикон бесспорным афоризмом «Значит, познакомились» – изрекла она. В этом месте, можно было спокойно опускать занавесь, спектакль был окончен.

Поняв, что сейчас стучаться в сердце Маринки совершенно бесполезно, видимо у неё срабатывал «синдром тёти Зиночки», я простилась и повесила трубку.

Я сидела в машине и пыталась, каким-то образом заста-

вить себя собраться и попытаться жить обычной жизнью, которая была у меня до вчерашнего дня. Но, это совершенно не получалось. Я всё время мысленно возвращалась в больницу, видела эти белые скорбные стены, тоскливые лица людей. И хотелось выть. Он не должен был там быть. Он сильный, уверенный в себе, талантливый человек. Он не должен быть там. Я твердила это, как заклинание. И почему-то вспомнила первый день нашего знакомства. Вспомнила, в мельчайших подробностях как будто, это было вчера, и словно эта память могла помочь мне сегодня.

5. Любовь выскочила перед нами…

«Любовь выскочила перед ними, как убийца из переулка…», – так или примерно так написал Михаил Булгаков о первой встрече своих Мастера и Маргариты.

Наша любовь из переулка не выскакивала, но точно села с нами в автобус. Может быть, конечно, ей нужно было ехать куда-то по своим делам, и нас она зацепила по дороге, мимоходом. Но факт остался фактом. Нас захлестнули её чары. Именно захлестнули, не коснулись, не появилось ощущение… А просто захлестнули и придавили своей неотвратимостью. Но лучше обо всём по порядку.

Был самый обычный августовский день, и ничего не предвещало никаких перемен. Я собиралась на день рождение к своей школьной подруге. Она отмечала своеобразный юбилей, ей исполнялось двадцать два года. В этом году мы окончили институт. И, как принято говорить, все только начиналось. Да и нам самим казалось, что все впереди.

Я долго собиралась, «начищала перышки», очень хотелось хорошо выглядеть, чтобы произвести впечатление на своих одноклассников, многих из которых я видела довольно давно. Одевшись, я подошла к зеркалу, посмотрела на своё отражение, улыбнулась, покрутилась, осталась довольна результатом и выпорхнула из дома.

Выйдя на улицу, я поколебалась, пойти к метро пешком

или доехать на автобусе. Идти было, разумеется, лень и я направилась к остановке. Автобус подошёл на удивление быстро, в те времена скорость подачи транспорта была далеко непредсказуемой. Но в этот раз мне повезло, автобус не подвёл – быстро появился и не успел мне испортить настроение долгим ожиданием. Хотя, тогда такая мелочь как ожидание автобуса не могла серьёзно испортить настроение – всё это были такие пустяки. В автобусе было довольно свободно, но я решила не проходить в середину салона, а встала у заднего окна. Как хорошо, когда всё хорошо. Тебя не тревожат никакие жизненные перипетии, на улице замечательная погода, ты едешь в гости и у тебя всё прекрасно.

В какой-то момент я почувствовала на себе, чей-то взгляд. Я его почувствовала физически, как будто взгляд был чем-то материальным. Я обернулась, пассажиры сидели, читали, смотрели в окна. Им не было до меня никакого дела. Но один человек привлек мое внимание. Обычный, взрослый, особенно ничем непримечательный мужчина. Он держал в руке газету, и в мою сторону даже не смотрел. Но, я была уверена – это его взгляд. Автобус подкатил к конечной остановке. Пассажиры покинули салон. Я вышла одной из первых и направилась к метро. Мужчина догнал меня у спуска в переход.

– Девушка, извините можно Вас на минуточку, – я остановилась, собеседник протянул визитку, представился, – меня зовут, Станислав Святогоров, я художник, скульптор. Позвоните мне, пожалуйста, я бы хотел с Вами поработать. Мне

это было бы очень интересно.

«Ничего себе заявочки! – подумала я, явно собираясь отбрить нахального типа, – наглость какая! Ему интересно со мной „поработать“. Что ещё за новости? Сейчас я ему скажу всё, что думаю по этому поводу!» – но вместо задуманного, вдруг сказала:

– Вы знаете, я сама Вам точно не позвоню, если хотите, запишите мой телефон, – и дальше я продиктовала номер своего домашнего телефона. Мобильная связь тогда ещё не дошла до нашей страны. Я продиктовала **свой** телефон, не гибрид половина своего половина подружки, как делала обычно. А настоящий свой домашний телефон.

Мой новый знакомый записал цифры и спросил.

– Простите, я не узнал, как Вас зовут?

– Наташа.

– Я позвоню Вам, Наташа.

Мы расстались. Я отправилась на день рождения. И, как мне показалось, забыла думать об этой мимолетной встрече. Поздравила подружку, пообщалась с одноклассниками, потанцевала и почему-то довольно рано засобиралась домой. На вопрос: почему так рано, придумала какие-то неотложные дела и рванула в обратный путь. Я не знала, какая сила меня гнала, но долетела я, как на крыльях. Когда открывала входную дверь, слышала, что в квартире звонит телефон. Родителей дома не было, они уехали в отпуск, и взять труб-

ку было некому. Я ворвалась в квартиру, подбежала к телефону, но опоздала. Звонки прекратились. Я всё-таки сняла трубку, послушала непрерывный гудок. Я была уверена, что звонил художник, так я его мысленно называла. Я опустилась на стул около телефона и стала ждать. «Он позвонит, он обязательно позвонит, не завтра, не через неделю, а сейчас». И он позвонил.

– Добрый вечер, это, та самая Наташа? – услышала я в трубке уже знакомый голос.

– Наташа, не знаю та самая или не та.

– Та. Я уверен, – как мне показалось, очень серьезно сказал он.

Мы проговорили час или два. У двух совершенно незнакомых людей, разного возраста, не связанных общими делами, интересами, знакомыми, нашлось множество тем, которые было необходимо обсудить прямо сейчас. Завершая разговор, мы договорились встретиться завтра. Вернее это было уже сегодня. Когда, он предложил мне приехать к нему в мастерскую, которая находилась в его загородном доме в поселке Фатьяново, я не стала отнекиваться, выдерживать паузу, как часто бывало, с приглашавшими меня куда-то поклонниками, а просто согласилась на его предложение.

Загородный дом, тенистый сад, открытый бассейн, а главное огромная студия с множеством картин, скульптур, эскизов, произвели на меня большое впечатление. Стани-

слав Сергеевич провёл целую экскурсию, много рассказывал о своих работах и о людях, кто ему позировал. Завершая знакомство со своим творчеством, он сказал, как-то вдруг перейдя «на ты».

– Я очень рад, что ты приехала. Мне казалось, что эта экскурсия поможет тебе меня лучше узнать.

– А я тебя и так знаю и мне кажется очень давно, – ответила я и удивилась, насколько легко, сказала ему «ты».

– Я ещё вчера был уверен, что такие встречи случайными не бывают, – он подошёл и взял меня за руку, – только не уходи. Я тебя очень прошу, останься.

И я осталась. Осталась почти на семь лет. И ни на секунду не пожалела об этом.

6. Наша золотая осень

Первое время мы почти не расставались. Если расставались, только тогда, когда я уезжала на работу. В то время я работала, в только что созданном эстрадном театре. Там ставился новый спектакль, и «отлынивать» от работы я не могла, да и не хотела, так как было очень интересно. Или тогда, когда он отправлялся в московскую мастерскую, где обычно занимался заказными проектами.

А всё остальное время мы посвящали друг другу. И мне кажется, он был этому рад и благодарен мне за внимание и тепло.

Когда я была свободна, то сидела у него в мастерской, а он работал и что-то рассказывал. Или мы отправлялись гулять по Москве. Будучи москвичом в нескольких поколениях он наш город любил и много о нем знал, чего было нельзя сказать обо мне. Хотя, я тоже родилась в Москве и очень её люблю. Но его повествования показывали город совсем другим, не таким как мы привыкли его видеть: шумящим и бегущим, да ещё изуродованным круговоротом девяностых. Москва представала в его рассказах царственной красавицей с мощным истинно русским началом, с великой историей и несломленным нравом. Так сложилось, что он объехал почти весь мир, что было нетипично для советского человека. Побывал в самых красивых уголках нашей планеты, вос-

хищался архитектурой, скулптурой, живописью, природой. Отдавал им должное и неизменно с радостью возвращался в Москву. Она была для него другом, любовью, музой и берегиней, вдохновляла, окрыляла, вселяла надежду. С ней он не мог сравнить ни один город Земли.

Наверное, только сейчас повзрослев и получив некоторый жизненный опыт, я понимаю какими образными и точными были его суждения. А тогда просто слушала интересную информацию и восхищалась рассказчиком.

Он рассказывал об архитекторах, строивших Москву, о скульптурных композициях установленных в городе. О художниках и скульпторах. Показывал работы своих учителей и коллег, и свои собственные работы, установленные в Москве, говорил о творческих планах и новых проектах. Говорил уверенно, увлечённо и я заражалась его настроением, мечтая вместе с ним, что всё так и будет. Но слишком лихим и сумбурным было то время, и многим его планам не суждено было сбыться. Это не удивительно: рушилась страна, иначе расставлялись приоритеты, менялись и люди, зачастую не в лучшую сторону. Но мы этого ничего не знали. Или, скорее всего, я не знала, а он, понимая серьёзность момента, предполагал, но не желал мириться с надвигающейся новой реальностью и просто жил, окрылённый новым, неожиданно захватившем его чувством.

Мы часто гуляли по территории, тогда ещё не действующего Новодевичьего монастыря. Величие и красота произво-

дили на меня сильное впечатление. Многое, мне казалось, я вижу впервые, хотя бывала там раньше неоднократно. Но никогда больше в моей жизни не было такой живописной синевы неба, какого-то прозрачного воздуха совсем ранней осени, и никогда я не ощущала звенящей тишины в те мгновения, где должен был быть колокольный звон. Но мне казалось я слышала этот звон, который переливался в моёй душе.

Я наслаждалась этими прогулками и тем, как мне с ним легко и интересно. А он говорил мне, что я вдыхаю в него новые творческие силы, и он открывает в себе возможности, которых раньше не чувствовал и даже не предполагал об их существовании.

В этот же период Стас предложил, сделать с меня скульптурный набросок. Предложил очень осторожно, почти издалека, как будто боялся спугнуть и что-то нарушить в наших доверительных отношениях. Боялся зря, я сама ему помогла.

– Хочешь попробовать? Давай попробуем. Ты же когда со мной знакомился, так и сказал: «мне бы было интересно с Вами поработать». Так давай поработаем.

Он предупредил, что позировать придётся стоя, скорее всего с поднятыми руками, так он видел эту фигурку, а это довольно тяжело.

– Ну, тяжело, что делать. Как говорят, искусство требует жертв, значит, принесём ему эту жертву, – уверенно ответила я.

Стас был удивлён и растроган. Когда мы начали работать, я говорю, «мы начали работать», а не он, говорю абсолютно осознанно, потому что это действительно совместная работа. Так вот, когда мы начали работать, он относился ко мне, по-моему, ещё бережнее, чем всегда. Старался, чтобы больше пяти минут я не стояла, постоянно спрашивал, не устала ли, не дует ли, таскал кофе. В общем, заботился, как мог.

Должна сказать, что это действительно тяжелая работа. Я думаю, когда профессиональные натурщики позируют художникам, это ещё сложнее. Меня «держал» его восторженный и влюбленный взгляд, я в этом взгляде купалась. И, наверное, именно он придавал сил и уверенности. Мне казалось, что на моей коже крем, принесённый Маргарите Азазелло, и я могу всё.

Наш союз был таким самодостаточным, что нам не хотелось никого даже близко к себе подпускать. И Стас сознательно отвергал любые даже дружеские посягательства на «нашу территорию». Потом, он мне говорил, что ни с кем не хотел меня делить. Жутко ревновал, хотя сам себе боялся в этом признаться. Считал, что ревность, это состояние унизительное и не для «птицы высокого полета», коей он себя называл, называл вроде бы в шутку, но как принято считать – «в каждой шутке есть доля правды».

На самом деле поводов для ревности я не подавала. Но, несмотря на это, если хоть минута моего внимания вдруг случайно доставалась кому-то другому, Стасом это расцени-

валось как личное оскорбление.

Так прошли несколько месяцев, пожалуй, самых счастливых и беззаботных в моей, тогда ещё совсем недолгой, жизни.

7. Ты мне снишься

– Стас, ты мне снишься. И не сказать, что я часто о тебе думаю. Просто снишься. Как-то само собой приходишь во сне. Мы общаемся, ходим по выставкам, как раньше. И словно не было этих лет, проведённых вдали друг от друга. Наверное, всё-таки думаю о тебе, но даже себе не признаюсь. А во сне же не будешь самой себе врать.

Я сидела на стуле у кровати и держала его за руку. И какая же холодная, безжизненная и слабая была эта рука. Слабая! Я сама не могла поверить, если бы кто-то упрекнул Стаса в проявлении слабости, а сейчас… Я гладила его руку и шептала свои признания. Такая киношная, мелодраматическая мизансцена: он в коме, она страдает и пытается всеми силами достать его с того света. Ещё мгновение, он откроет глаза и скажет: «любимая я вернулся». Чушь! Жизнь, это совсем другая штука, но ведь бывают же и в жизни чудеса. И ожидая этих чудес, я говорила и говорила:

– Знаешь, мне тебя не хватает. Не хватает твоих сумасшедших идей и творческих порывов, не хватает твоего необузданного нрава и часто эксцентрических проявлений. Я скучаю по тебе, Стас! И ты скучаешь по мне. Я это точно знаю.

«Господи! что это?! – я почувствовала, что Стас сжал мою

руку. – Да нет, этого не может быть! Мне показалось. Моя дурацкая режиссёрская натура, вечно я что-то придумаю. А может, не показалось? Может…». Дверь скрипнула в палату вошла Лариса Константиновна.

– Ну как вы? – как-то не по врачебному, спросила она.

– Мы, – я поймала себя на том, что впервые за много лет подумала о нас – не он и я, а мы. – Мы, да всё, как было. Только мне сейчас показалось, что он меня слышит.

– Наташа, мы многого не знаем. Когда человек в таком состоянии, он может и слышать и чувствовать. Недаром, он так хотел, чтобы Вы были здесь.

Лариса вышла, а я осталась выполнять свою спасательную функцию. Я вдруг почувствовала, как я ему нужна и утвердилась в посетившей меня недавно мысли: «если не я, то кто же?».

8. Больничные тайны

Стас пришёл в себя. Произошло это как-то просто, как будто проснулся. Вдруг открыл глаза, увидел меня и тихо спросил:

– Ты Ангел?

– Нет, не Ангел. Я просто очень хотела, чтобы ты вернулся. Пожалуйста, больше не уходи, – ответила я.

Видеть его такого тихого, слабого и в то же время просветлённого, было совсем непривычно, но всё же это было счастье. Сдерживать слёзы стало совсем трудно, но я постаралась взять себя в руки, встала, отошла к окну, сделала несколько глубоких вдохов и позвонила Ларисе.

Доктор прибежала через минуту. За ней «ребятишки» в белых халатах притащили какие-то аппараты, капельницы. Все суетились. Меня из палаты выгнали, как они сказали: «погулять». Какое уж тут гуляние. Когда Лариса вышла из палаты, на мой вопрос:

– Ну как он?

Ответила:

– Блока читает, – и засмеялась, – такой вот он у нас, неординарный пациент.

Я была счастлива. Постоянно носилась в больницу. А иной раз, там даже ночевала, благо отчитываться было

не перед кем – муж находился на съёмках.

За это время я перезнакомилась со всем персоналом. Медсёстры и санитарки мне сочувствовали, поддерживали и помогали, чем могли. Я тогда убедилась, что у нас много по-настоящему хороших людей, умеющих сострадать.

Как-то ночью я случайно услышала разговор молодой женщины – дежурного врача и медсестры.

– Ну, какая же у нашего художника хорошая дочь, прямо не отходит от него. Бывают же такие дети! – восхитилась врач.

– Какая она ему дочь? – возразила медсестра, – она ему жена.

Врач была новенькая и естественно всех нюансов знать не могла, а посвятить во все больничные тайны ее, видимо, еще не успели.

– Как жена? Он же старше её на сто лет.

И тут в разговор вступила бабулька-санитарка, которая проработала в госпитале всю жизнь и помнила Стаса ещё, когда он лежал с прошлой травмой.

– Не жена она ему, – заявила местная старожилка, – любовь у них. Вот как бывает, девочки. Он помирал, без сознания лежал, а как в себя приходил всё её звал. Лариска её еле нашла. Она уж замуж за другого вышла. Но теперь того бросила и сюда прибежала. Вот, что любовь-то с людьми делает.

«Интересно, вот откуда она всё знает. Я сомневаюсь, что Лариса бы стала сливать информацию. Хотя, разносчиков

новостей во все века было много, а слушатели подобных историй уж точно найдутся. Вон, как эти девчонки-медички уши навострили. А с другой стороны, что еще ночью в больнице делать, только придаваться самозабвенному трёпу, как дежурный медперсонал или вспоминать, ну, это в данном случае был мой удел. И я вспоминала.

9. Страшная новость

Когда тебе двадцать, ты любишь и любима, жизнь представляется долгой светлой и счастливой. Даже, если за окном, так называемые, «лихие девяностые»: в магазинах пустые прилавки и ещё куча проблем… Но это у них у взрослых. А у тебя всё хорошо. Лунная ночь. Дерево за окном рисует на потолке причудливые узоры. Действительно, осень и довольно уже поздняя, середина ноября, а дерево всё усыпано золотой листвой. Конечно, ночью она кажется тёмной, но ведь есть же воображение. И утро, обязательно, настанет, и день будет светлым, а листва золотой и прекрасной.

– Наташенька, не спишь?

Он редко называл меня по имени, но, если называл, то только ласково – Наташенька.

– Нет.

– Знаешь, в нашем мире, так много «добрых» людей, которые любят поделиться чужими тайнами и всякой ненужной информацией. Короче, сплетников у нас очень много. И я решил рассказать тебе кое-что, пока другие не постарались.

Я перевернулась на другой бок, положила голову ему на плечо и спросила:

– И, что же ты хочешь мне рассказать?

– Да так, пустяки. Видишь ли, одна неуравновешенная эк-

зальтированная барышня сегодня родила ребёнка.

– Ребёнка? И какое это имеет отношение к нам?

– Да, в общем, никакого. Кроме того, что она говорит, что он от меня.

Я молчала. Мне показалось, что за одну секунду что-то изменилось. Как будто стало труднее дышать, в комнате стало темнее. Вероятно, луна ушла за тучку, а может и не было этого серебристого света. Может, я его себе нафантазировала. По идее, нужно было что-то отвечать. Или не нужно, но пауза как-то затянулась. И я выдавила дурацкий вопрос:

– А ты уверен, что это твой ребёнок?

– В таких вопросах, быть уверенным нельзя, – усмехнулся Стас, – или, по крайней мере, глупо. Да это сейчас не имеет значения. Я просто хочу, чтобы ты поняла, что к нашей с тобой жизни эта история не имеет никакого отношения. И никогда не будет иметь. Просто я хотел, чтобы ты услышала это от меня, а не от кого-то и всё. И не обращала внимание, на досужих сплетников, которые кинутся тебя просвещать. – Стас взял мою руку, поднёс к губам. И как-то резко перевёл разговор на другую тему, – ты помнишь, завтра мы идём к Веснину на посиделки? Я обещал обязательно быть. А до этого с клиентом в Москве нужно встретиться. Там большой заказ грядёт. Нужно быть в форме. Давай спать.

«Спать! Легко сказать! – я так растерялась, что мне даже нечего было ответить. – Как можно спать, когда произошло

такое?! У тебя родился ребенок. Пусть даже ты его не ждал. Он же не свалился с неба, и уж точно его не „нашли в капусте“. Значит, есть женщина, которая совсем недавно, была в твоей жизни. А почему была? Может и есть. Вполне вероятно, он с ней и сейчас общается и зная, что она ждёт ребенка, в это же время познакомился со мной. Да не просто познакомился, а начал новые отношения. По-хорошему, нужно встать и уйти. Хотя, сейчас ночь, мы находимся за городом в его доме, довольно далеко от железнодорожной станции». Вызвать такси в то время, это было почти нереально. Так же нереально, как если бы мне пришло в голову вызвать инопланетян или дух Пушкина на спиритическом сеансе. И погода как назло испортилась. Ветер какой-то немыслимый поднялся. «Да нет, уходить сейчас, это безумие. Конечно, безумие, – подсказала я сама себе, – разумеется безумие, если ты не хочешь уходить». Я посмотрела на потолок, тоненькие, какие-то несчастные тени веток дерева рисовали на потолке тоскливую картину. И ни одного листочка. Я закрыла глаза и стала старательно пытаться заснуть. Жизнь уже не казалась такой безоблачной и счастливой. За эту ночь я как-то сразу повзрослела.

10. Почти смотрины

Аркадий Веснин был лучшим другом Стаса. По профессии он был скульптор-анималист: лепил животных и не замахивался на монументальные «полотна». Видимо поэтому, Стас относился к нему чуть свысока, но любил и всегда говорил, что «Аркашка отличный, надёжный парень». Слово «надёжный» в лексиконе Стаса было едва ли не главным в характеристике настоящего человека.

Мы отправились в гости к Аркадию в мастерскую. У меня тогда сложилось впечатление, что это были своего рода смотрины. Стас решил меня, наконец, показывать друзьям. Хотя, скорее всего, его не интересовало ничьё мнение. Просто показать хотелось. Мы зашли в мастерскую, Стас представил меня Аркадию, его жене, она тоже художница, познакомил с их сыном. Кирилл поступил в МГИМО и родители этим обстоятельством очень гордились.

В мастерской присутствовали еще два художника. Стас перекинулся с ними несколькими словами и Анна, так звали жену Аркадия, пригласила всех к столу. Во время застолья, художники обсуждали какой-то конкурс, ругали руководство своего профессионального союза, пили коньяк. За ними было довольно забавно наблюдать, но, честно сказать, мне было не слишком интересно. Чуть позднее, Аркадий пригласил посмотреть его новые работы. Художники

прошли по экспозиции, похвалили произведения коллеги. Я тоже прогулялась по мастерской. Зверушки были симпатичные, но больше мне понравились пейзажи, которые писала Анна. Я остановилась у картины, на которой был изображен осенний лес, пруд и на воде лежали несколько жёлто-красных кленовых листьев. Такой красивый, но очень грустный сюжет, как нельзя лучше ложился на мое настроение. Вчерашний ночной разговор со Стасом не шёл у меня из головы. Хотя утром, мы ни словом не обмолвились на эту тему. Мне правда это молчаливое «спокойствие» далось нелегко, Стасу, по-моему, тоже. Но в юности «держать лицо» и проявлять выдержку, на мой взгляд, гораздо сложнее. За моей спиной кто-то остановился. Я посмотрела через плечо – это был Кирилл.

– Это мама пишет. Она у нас такая романтичная дама.

– Очень красивый пейзаж. И настроение передано точно. Даже как-то грустно стало.

– Не грусти, – подмигнул Кирилл, – пойдём на балкон, покурим. А то со стариками тут со скуки помрём.

– Я не курю, но на воздух давай выйдем.

Мы вышли на балкон. Кирилл достал сигареты, закурил.

– Ты с дядей Славой давно? Или так, мимо проходила? – прозвучал довольно бестактный вопрос.

– А почему тебя это интересует? – не слишком любезно отреагировала я.

– Да просто, – и доверительно добавил, – знаешь, вот он

как не придёт, всегда с новой подружкой. Красотки, модельки безмозглые, актрисульки неудавшиеся. Чаще всего такой контингент. Но, ты на них не особо похожа, – и вдруг предложил, – слушай, а давай в клуб махнём. Сейчас тут недалеко новый клубешник открылся. Такое прикольное местечко. Мы с парнями сегодня на вечер столик заказали. Пойдём, там ди-джеи классные. Тряханём костями. Коктейлей хлебанём. Отдохнём.

– Спасибо, я не устала и не очень люблю клубы, часто по работе туда хожу.

– Ты что журналистка что ли? – вдруг заинтересовался младший Веснин.

– Не совсем, – уклончиво ответила я.

– На проститутку, чтобы по клубам по работе таскаться тоже вроде не похожа. Ладно не хочешь как хочешь. Сиди, услаждай стариков своим присутствием. Дядю Славу паси, чтобы на сторону не побежал. Он может. Слушай, а всё-таки, что ты нашла в дяде Славе? Он же лет на тридцать тебя старше. Что, так хорош в постели? Или, ещё что? – Кирилл подмигнул и мерзко захихикал.

Мне стало противно, и даже обидно, хотелось что-то колкое ответить наглому парню, но тут на балкон вышли Стас с Аркадием.

– Ну что, Кирюша, развлекаешь нашу гостью? – спросил отец и ласково поглядел на сыночка. И обращаясь ко мне, спросил, – мы, наверное, своим профессиональным брюзжа-

нием, Вас совсем замучили?

– Что Вы, нисколько, мне было очень интересно, – мило улыбнулась я.

Аркадий улыбнулся мне в ответ, потом повернулся к Стасу и очень тихо сказал, видимо рассчитывая, что я не услышу, но расчет не оправдался, у меня слишком хороший слух.

– Породу и воспитание сразу видно, одобряю, – и обратился к сыну, – Кирюша, иди маме скажи, чтобы кофе сварила.

Кирилл ушёл. «Ах, какая жалость, нужно было ему пару ласковых всё-таки сказать, несмотря на мою „породу и воспитание“, чтобы знал свое место, – подумала я. – Жаль не успела, только и так не самое радужное настроение окончательно испортил, гадёныш». Видимо, эти мысли отразились у меня на лице, Стас сразу это заметил, спросил:

– Что случилось? Он тебя обидел?

– Да ничего, просто у Кирилла очень длинный язык, и если он планирует быть дипломатом, нужно учиться следить за тем, что ты говоришь, – не щадя отцовские чувства Веснина, довольно жёстко ответила я.

– Да, – согласился Аркадий, – Кирюшка может сморозить всякую ерунду. Я ему сто раз говорил, сначала подумай, потом говори. А так он парень неплохой.

– Так что, он тебе сказал? – начал кипятиться Стас.

– Ничего особенного, в клуб пригласил.

– Мерзавец! – засмеялся Аркадий и дальше ляпнул явную

глупость, – встретил в нашей взрослой компании девушку близкую себе по возрасту и распустил хвост.

Стас мрачно посмотрел на друга.

– Ладно, Аркаша, мы, пожалуй, пойдём.

– Подождите, давайте кофе хоть попьём, – начал уговаривать Веснин.

– Поедём, поздно уже. Спасибо. – Стас принял решение, и оно не обсуждалось.

Мы вышли на улицу. Вечером в Хамовниках было тихо и довольно безлюдно. Мы шли пешком к метро и молчали, вдруг Стас остановился и резко повернулся ко мне.

– А всё-таки, что он тебе сказал?

– Я же сказала, в клуб на дискотеку пригласил.

– А ещё?

– А ещё, сказал, что у тебя каждый раз новая пассия и спросил, надолго ли я с тобой.

Стас молчал и в упор смотрел на меня. Потом, через паузу, сказал:

– И стоило из-за этого расстраиваться. Избалованный глупый мальчишка. Пошли быстрее. Холодно как-то. Сейчас домой доедем, чаю с мёдом попьём, а то ещё простудишься у меня.

– Я к тебе не поеду. Поеду домой, – ответила я.

– И что?

– Ничего. Просто поеду домой. Ещё вчера ночью нужно

было это сделать.

– Ну, как хочешь!

Стас резко повернулся и быстрым шагом пошёл к метро. Когда я спустилась в подземку, увидела, что Стас стоит на перроне, он, видимо, решил убедиться, что я тоже спущусь в метро и поеду в сторону дома, а не рвану с новым знакомым на дискотеку. Я сделала вид, что не заметила своего рассерженного Маэстро. Подошли поезда, и мы одновременно отбыли в разные стороны.

Не успела я переступить порог своего дома, как зазвонил телефон.

– Девушка, Вы добрались?

Я молчала, почему-то хотелось плакать. И еще очень хотелось, чтобы он был рядом.

– Ну, что ты молчишь? Если что-то хочешь сказать, скажи, не держи в себе.

Я хотела сказать. Я очень много хотела ему сказать. Сказать и спросить. Эмоции захлёстывали. Слёзы текли ручьем. Я много хотела сказать… А сказала только:

– У меня всё нормально. Спокойной ночи, – и повесила трубку.

В этот вечер Стас больше не позвонил.

Вот таким был день, когда Стас познакомил меня со своим другом. Потом мы не один раз встречались с Аркадием,

бывали у него в мастерской. Он бывал у нас. Вместе ездили на природу, общались, можно сказать дружили. Даже Кирилл приходил ко мне на какой-то концерт. Но, тот день знакомства и, предшествующие ему события, очень чётко врезались в мою память.

11. Курс на выздоровление

Он шел на поправку. Как говорила Лариса: «семимильными шагами» и относилась к этому несколько настороженно, справедливо считая, что в таких делах спешить не следует и всё время сдерживала его порывы. А он рвался вставать, делать всё сам, не принимая ничью помощь. Характер! Меня только подпускал ближе всех. Я его кормила, старалась восполнить, что организм недополучил. В эти дни он часто говорил:

– Ем из твоих рук – это что же значит, я ручной?

На что я отвечала:

– Сомневаюсь, что такое в принципе возможно. Поправляйся. А там обсудим, кто ручной, а кто дикий.

Он много спал, видимо, препараты, которые ему кололи, обладали снотворным эффектом. Лариса считала, что во сне организм лучше восстанавливается. Наверное, она была права. А ещё в эти дни в больнице он вёл довольно светский образ жизни. Визитёры были ежедневно и в большом количестве. Я даже заволновалась, не вредно ли это ему. Но Лариса успокоила:

– Ему это даже нужно. Пусть общается, отвлекается от больничной реальности. Следите только, чтобы не переутомлялся. А главное, не нервничал. Любые волнения про-

тивопоказаны категорически!

Таким образом, я превратилась в Цербера. Или мне казалось, что я в него превратилась. По крайней мере, присутствие любых посетителей я очень жестко регламентировала. И, что самое смешное, свободолюбивому, не терпящему никакого руководства, Стасу это нравилось. Парадокс.

– Правильно, девушка, гоните их, – подбадривал меня Стас, – больной же устал. Ему вредно переутомляться. – И добавлял, каким-то домашним, ласковым тоном, – ты главное сама не уходи. Оставаться без тебя мне противопоказано, – и парадировал Ларису, – категорически.

12. Дядя Володя

После того, как на меня обрушилась информация о родившемся ребенке и еще много всяких явно лишних для меня новостей, Стас понял, что необходимо что-то менять. Новый виток наших отношений я для себя назвала «развлекательно-гостевой» или «гостево-развлекательный», как кому больше нравится.

У меня сложилось впечатление, что после возникшей напряженности, он решил, во что бы то ни стало, эту напряженность устранить. А делать это, как ему казалось, нужно было развлекая меня до полусмерти, водя по гостям, ресторанам и всяким увеселительным мероприятиям, чтобы на дурные мысли у меня просто не оставалось времени и сил.

Никогда в своей жизни я столько не ходила: по выставкам, театрам, концертам и по гостям.

Из этого списка меня больше интересовали театры и концерты, где Стас довольно часто скучал, и я понимала, что эта «жертва» ради меня. И в ответ посещала вернисажи, которые мне были не всегда интересны. А уж хождение по гостям, вообще не воодушевляло. Там часто собирались малознакомые мне люди, которые много говорили о «высоком», спорили, что-то друг другу доказывали, и мне это было далеко не всегда интересно.

Пожалуй, не считая художника Аркадия Веснина, кото-

рый действительно был хорошим другом и ко мне относился очень уважительно, я любила ходить в гости только к приятелю Стаса – известному драматургу Владимиру Гончарову. Он много писал сценариев для кино, я видела несколько хороших фильмов, автором сценария, которых он являлся. Да и вообще он был славный мужик, интересный собеседник и как-то сразу проникся ко мне тёплыми чувствами. Стас, разумеется, незамедлительно заявил, что «Володька в тебя влюбился». Безусловно, это была ерунда. Я просто чувствовала искреннее, хорошее к себе отношение, а в нашем мире это, к сожалению, не так часто встречается.

Помню, как мы познакомились с Гончаровым. Он жил в старом доме на Смоленке, в шикарной квартире со старинной мебелью и дубовым паркетом. Такая мебель сейчас в антикварном магазине стоила бы целое состояние. А тогда я просто почувствовала, что пришла в уютный московский дом. Стас представил меня хозяину дома, сказал, что я режиссёр, сценарист. Гончаров протянул мне руку, с улыбкой сказал:

– Здравствуйте, коллега.

– Ну, коллега это громко сказано, – скромно ответила я. – Я больше эстрадой занимаюсь: всякими концертами, развлекательными мероприятиями. А кино, мне кажется, чем-то более серьезным.

– Да все мы, как говориться, одним миром мазаны, – ответил Гончаров. Пригласил, – проходите, Наташа, распола-

гайтесь, чувствуйте себя как дома. На нас со Стасом внимания не обращайте. Мы тут чуть-чуть по-стариковски побрюзжим, – и весело подмигнул мне.

Стас «стариковское брюзжание» не оценил и одарил приятеля довольно не дружелюбным взглядом, чем развеселил его ещё больше, и Гончаров продолжил своё показательное выступление.

– Вы, Наташа, не вздумайте меня по имени и отчеству называть. Я это не люблю. Зовите – Владимир или даже лучше Володя.

Я увидела, что Стас, наблюдая, как кокетничает его приятель, начал злиться. Заметив это, я в душе усмехнулась, тоже решила не отставать и вступила в игру.

– Как-то неудобно просто по имени, – заахала я, – известный драматург, взрослый человек. Давайте я Вас буду звать дядя Володя.

– Шикарно! – восхитился Гончаров и сразу перешёл на ты. – А я тебя – племянница. – Подошёл, чмокнул меня в щёку и пояснил, обалдевшему Стасу. – Ну, это так, по-родственному. – И снова обратился ко мне, – племянница, а ты своего друга, – и кивнул на Стаса, – тоже дядей зовешь? Он же немногим моложе меня.

Стас действительно был моложе Гончарова лет на пять. Было видно, что наш разговор ему удовольствия не доставлял. Он смотрел на нас, как на расхулиганившихся детей, ко-

торых хорошо бы как-то побыстрее успокоить.

– Нет, я его просто по имени зову, – ответила я.

– Ну да, положение обязывает, – довольно ехидно сказал Гончаров, – странно было бы, если ты его в постели дядей называла или Станиславом Сергеевичем и на «Вы».

Я посмотрела на Стаса и поняла, что этот затянувшийся, пусть и шутливый разговор, нужно срочно заканчивать. Стас мрачнел на глазах, я подошла к нему.

– Ничего меня не обязывает, просто я его очень люблю, – обняла и поцеловала, – называю по имени и на ты, при чём практически с первой встречи, – и зачем-то пояснила Гончарову, – знаете, мне кажется, если люди любят друг друга, никакого «Вы» быть не может. «Вы», это определенная дистанция. Человек же к себе самому не обращается на «Вы», ну может быть, только в шутку. А когда ты чувствуешь, что у тебя с любимым человеком организм один, кровеносная система общая, какое тут «Вы».

«Ничего себе! – удивилась я, – что это я так разговорилась?».

– Молодец, племянница! Браво! Это прямо монолог готовый, – отреагировал Гончаров, предложил, – давайте выпьем, – налил коньяк и сказал, – Стас, я тебя поздравляю! Наконец, я вижу рядом с тобой женщину, которая достойна тебя и твоего таланта. За тебя, племянница, дорогая!

С тех пор, так и повелось – «дядя Володя» и «племянни-

ца». Даже Стас так и называл Гончарова по отношению ко мне, говорил: «Твой дядя Володя звонил» или «твой дядя Володя приедет».

Уже потом мне Стас рассказывал, что Гончаров, как он говорил, был «бесповоротно женат». Жена его предпочитала жить на даче и в Москве бывала крайне редко. По крайней мере, за несколько лет нашего общения с Гончаровым, я её никогда не видела. Зато его самого довольно часто встречала в сопровождении юной нимфы, чаще всего они были разные. Правда мне иногда казалось, что барышня одна и та же, уж больно они были однотипные, но имена были разные, значит, и девушки тоже.

Мы часто бывали у дяди Володи, и он приезжал в Фатьяново. Я всегда была рада его видеть и относилась к нему как к своему человеку.

13. Антон

Когда начались визиты, одной из первых пришла Яна с сыном, но мне повезло, меня в этот момент не было в клинике. Я уезжала домой привести себя в порядок и что-то приготовить. Хотя Антона – сына Стаса, я бы повидала с удовольствием. Мы встречались с ним, когда ему было пять лет, а сейчас семнадцать, уже взрослый молодой человек. В этой связи мне вспомнилось мое знакомство с Антоном.

Я с остервенением тёрла кастрюлю. Всего неделю меня не было в этом доме, а уже такой чудовищный «порядок» навели. Пока я, после какой-то размолвки, а размолвки у нас бывали только по одной причине, по очередному спектаклю, показанному Яной, свидетелем которого я невольно стала. Спектаклей было много, один лучше другого, но, честно говоря, даже вспоминать об этом не хочется. Меня всегда удивляло, как дамочка, с таким недюжинным талантом, могла с треском провалиться и не поступить в театральный институт. Стас на её выступления всегда плохо реагировал: нервничал, злился, а рядом была я. Одним словом, размолвки были неизбежны. Понимая это, Маэстро быстро брал себя в руки, как обычно убеждал меня, что наших отношений эти сложности нисколько касаться не должны… Не знаю, кого он больше убеждал меня или себя. Меня убедить безусловно

не получалось, и я уходила.

Словом, пока я показывала характер, Яна с новой силой пыталась устроить свою личную жизнь и, хоть как-то, наладить отношения сына с отцом.

Результатом этих мероприятий, стала неутешительная картина: Яна лежит в больнице с нервным срывом или с имитацией такового, её личная жизнь не устроена, отношения окончательно испорчены, маленький Антон брошен, в общем, всё как всегда. «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Но это крылатое выражение появилось чуть позднее. А характеризующая его ситуация, вот она, пожалуйста, была во все времена.

– Зачем ты так чисто моешь кастрюлю, если ты в ней опять собираешься суп варить? – поинтересовался мальчик.

– А, как не мыть? В грязной что ли варить?

Антон стоял около меня и с интересом наблюдал за моими манипуляциями. Маленький рыженький, с большими грустными зелеными глазами. «Похож он на отца или не похож? – спрашивала я себя, – вроде похож. Стас его признал. А это главное. И как бы ситуация не разворачивалась, кормить-то мужиков, всё равно надо».

– А что, у тебя мама кастрюли не моет? – зачем-то спросила я.

– Да не особо. Она говорит, что сильно мыть, раз все равно запачкается.

– А вот я как-то иначе думаю. Если бы мы были свиньи, я бы ещё подумала, но, скорее всего, всё равно помыла бы. А мы-то, всё-таки люди.

– Наташ, пойдем за мороженым сходим, – предложил ребёнок.

– Сейчас быстренько суп приготовим и сходим. А Стас, что делает? Может он с тобой сходит?

У меня почему-то не поворачивался язык назвать Стаса папой. Уж больно чудно это звучало.

– Он в мастерской работает, сказал, чтобы я ему не мешал, – Антошка вздохнул и уселся на пол обреченно ждать, когда я закончу дела. И такой, какой-то согбенно грустной, мне показалась эта маленькая фигурка, что я отставила кастрюлю.

– Ладно, суп подождёт. Пойдём, прогуляемся. Может ещё, чего-то вкусненького купим.

– Ура! – завопил Антон и помчался обуваться.

Мы шли по посёлку. Только началась осень. Даже не началась, а было какое-то её преддверие: тепло, солнце, начали желтеть листья и какое-то потрясающе-синее небо. «Как красиво и спокойно».

Именно такая погода стояла впервые месяцы нашего знакомства со Стасом. Сколько тогда было надежд, мечтаний, планов. Я шла и улыбалась, вспоминая то время.

«Может быть, и сейчас всё не так плохо. Может быть, я зря так драматизирую ситуацию. Ну, так случилось. Изме-

нить ничего нельзя. Уже больше пяти лет я терпела эту историю. Нет, не терпела, скорее принимала. В конце концов, меня это никак не касается. Я живу с любимым человеком. Жила, до момента, пока не попыталась уйти. И ушла, когда Яна вдруг решила начать наступление. Но, в результате, я вернулась. Вернулась, в данном случае, помочь. Я же не могу бросить человека с ребёнком на руках, он же совершенно не приспособлен к роли няньки. Это, видимо, я, таким образом, пыталась оправдать свою беспринципность. Да и Стас, зная меня, здорово разыграл свою карту. Когда он звонил мне, то на сто процентов был уверен, что тема одинокого отца, лучший повод меня вернуть. Хитрюга. Интриган».

– Наташ, – окликнул меня Антон, – а ты знаешь, что он собирается на рыбалку?

Я вынырнула из своих размышлений. «Он» – мальчик не знает, как Стаса называть. Видно, не так часто с ним встречается. Да я и так это знала. Его мамашка всегда называла Стаса по имени и отчеству, да ещё на Вы. И сыну, видимо, не объяснила толком, кто есть кто. Высокие отношения!

– Он? Это кто? – всё-таки из вредности спросила я.

– Станислав Сергеевич, – ответил мальчик.

«Папа» – тоже не может сказать.

– Наташ, а поехали с нами. Он мне рассказывал, там хорошо. Озеро большое. Рыбки всякие плавают. Ну, поехали!

– А зачем я вам? Там обычно собирается мужская компания. Настоящие рыбаки. Что там женщине делать?

– Ну, пожалуйста, поехали, – продолжал уговаривать Антон.

– Слушай, Антошка, скажи мне, это ты сам придумал или Стас тебя попросил?

Мальчик задумчиво лизнул мороженое, которое мы только что купили, и протянул:

– Ну, в общем, я сам, – потом подумал ещё и добавил, – ну, и он тоже.

Мы вернулись домой. Нас встретил Маэстро, не слишком довольный нашим поведением.

– Ушли куда-то, мне слова не сказали. Я спускаюсь, а в доме тишина, пустота.

– Не ворчите, друг мой, Вы же не любите, когда нарушают Ваш творческий покой.

– Творческого покоя в принципе не может быть. Если творческий человек в покое, значит, он уже умер, – вполне резонно поправил меня Стас.

– Ну да, как спортсмены: «Если ты просыпаешься, и у тебя ничего не болит, значит, ты умер», – процитировала я чью-то фразу.

– Примерно, так, – усмехнулся мой художник.

– Ладно. Нужно, в конце концов, что-то приготовить. У Вас же, Станислав Сергеич, всё-таки ребёнок, – сказала я.

Он схватил меня за руку и резко притянул к себе.

– Помнишь, несколько лет назад я тебе говорил, что чтобы

ни произошло, в нашей жизни ничего не изменится. И, по-моему, я держу своё слово. Этот мальчик тебя никак не напрягает.

– Этот мальчик, на минуточку, твой сын. И он меня никак не напрягает. Славный, кстати, мальчик. И его, между прочим, хорошо бы, покормить. А поговорим мы, если Вы не возражаете, позднее.

Я вывернулась из его рук и, как мне показалось, очень гордо прошествовала на кухню.

Со временем всё изменилось: сына он полюбил, принимал участие в его воспитании, дружил с ним. И впоследствии, в каком-то его интервью я прочитала, что у него «очаровательный сын». Но тогда всё только начиналось, правда, с большим опозданием.

14. Роман – это ты

Вечером, уложив Антона спать, мы устроились в мастерской. Мы любили так проводить вечера. Электричество не зажигали, хватало лунного света и уличного фонаря, который довольно бесцеремонно заглядывал в окно. Мастерская представлялась каким-то сказочным замком. Очертания скульптур, причудливые тени. Очень романтичная картина, или мне так казалось. По крайней мере, всегда в эти минуты, было как-то удивительно спокойно на душе.

– Я собираюсь поехать на озёра, порыбачить. Ты не хочешь составить мне кампанию? – поинтересовался Стас.

– Меня уже приглашал Антошка, – улыбнулась я.

Стас совсем не удивился, только спросил:

– И, что ты ему ответила?

– Что ответила? – задумчиво переспросила я, потом сразу задала свой вопрос: – Скажи мне, а это ведь твоя идея?

– Ну да, я решил, что нам с тобой лучше поехать куда-то вместе. Меня последнее время очень беспокоит твое настроение. Тебе нужно подышать свежим воздухом, погулять, расслабиться.

– Последить за твоим сыном, – продолжила я.

– Зачем ты так? Я далеко не убежден, что возьму его с собой, а тем более, если ты против.

– Стас, во-первых, ты ему обещал, и уже менять свое ре-

шение не следует. Он так этого ждёт.

– А во-вторых?

– Во-вторых, я через неделю уезжаю на гастроли в Минск на фестиваль, – я работала тогда уже в продюсерском центре, – и пробуду там почти две недели. За это время Вы успеете наловить кучу рыбы и подружиться.

– За это время, ты меня забудешь, – грустно сказал Стас. – Фестиваль! Соберется туча праздных бездельников, будут пить, гулять, заводить интрижки.

– Вообще-то, я еду работать, – напомнила я.

– Знаем-знаем мы эти Ваши работы, – Стас насмешливо посмотрел на меня, он говорил эти слова, как бы шутя, но, я очень хорошо его знала и видела, как ему не хочется меня отпускать. – Глазом моргнуть не успеешь, как окажешься в постели у какого-нибудь артиста, режиссёра, музыканта или уж и не знаю у кого…

Я подумала, что тот график, который меня ждет на фестивале, скорее всего, не будет располагать к любовным утехам. А постель станет предметом мечты, чтобы прилечь и поспать. Но я не стала вдаваться в подробности и парировала.

– Я тебе, по-моему, поводов не давала меня подозревать в скороспелых связях. А вот твои многочисленные романы…

Я не успела договорить, Стас меня перебил:

– Наташенька, – он вдруг как-то посерьёзнел, – ты этим

словом, так походя, не бросайся. Роман это чувство с историей, – помолчал и вдруг добавил, – роман – это ты.

– А всё остальное? – я обвела рукой мастерскую, указывая на выставку женских портретов, набросков, скульптур. Он никогда не скрывал, что многие из этих женщин были не только его моделями.

– Остальное? – задумчиво переспросил Стас, – часто интерес, не скрою, не всегда только творческий, влюбленность, желание, азарт, блуд. Да много всяких чувств, широкая палитра. – И повторил, – а роман – это ты.

Услышать такое признание от него, от человека, который очень мало значения придавал словам и всегда говорил, что настоящее чувство оно молчаливо. И сейчас, эти слова стоили дорогого. А он продолжил:

– Я люблю тебя. Я прожил большую жизнь, и поверь мне, эти слова не говорил ни одной женщине. А их действительно было много. Тебе говорю, просто, чтобы ты это знала, просто потому, что дорожу нашими отношениями и не хочу тебя потерять.

Я молчала. Я действительно это знала, хотя до этого момента никогда не слышала от него ничего подобного. Я тоже его любила и не хотела потерять. Но жизнь часто решает всё за нас, хотим мы этого или не хотим. Пусть всё будет, как будет. Но, к сожалению, я не Дон Кихот, и на борьбу с ветряными мельницами у меня вряд ли хватит сил.

15. Визиты нескончаемым потоком

А визитёры в больницу всё шли и шли. Несли цветы, конфеты, фрукты. Всё это мы не успевали раздавать врачам, медицинским сёстрам, санитаркам и всем, кто попадался под руку.

Как-то утром, я вышла на улицу, подышать воздухом, в этот момент мне на мобильный позвонила Лариса.

– Наташа, меня атакует какая-то девица, говорит, что она журналистка и хотела бы закончить интервью со Святогоровым, которое якобы начала ещё до несчастья. Вы что-то знаете об этом или это досужая папарацци?

– Честно говоря, не знаю, но сейчас поднимусь в отделение и спрошу у Стаса.

– Она ждёт на посту. Я не сказала, какая палата и никому не велела распространяться. Зовут её Карина. Короче, пожалуйста, Наташа, решите этот вопрос. А то больница у нас в какой-то проходной двор превратилась.

– Прошу прощения, Лариса Константиновна, сейчас я разберусь, – засуетилась я.

– Ну, Вы-то тут при чём? Любят его девушки. Ничего не поделаешь. Даже я уже в его секретаршу превратилась.

– Скорее, в пиар—менеджера, – подпела я врачу, – ещё раз извините. Как-то буду стараться регламентировать эти потоки.

Но это легко сказать, а справиться со стихией, оказалось не совсем в моих силах. Когда я вошла в палату, у Стаса на краю кровати сидела барышня. Создание было молодое, даже я бы сказала, юное. Облачено в баснословное мини и босоножки на сумасшедшей платформе. Перед девицей стояла коробка конфет, явно предложенная больным, которого она пришла навестить.

– Наташенька, познакомься – это Маша, – представил мне Стас свою гостью.

– Здрасти, – сказала девица и засунула в рот очередную конфету.

– Здравствуйте, – поздоровалась я и обратилась к Стасу, – Станислав Сергеевич, Вы извините, Ваша гостья надолго? А то там ждёт журналистка, у неё какое-то незаконченное интервью, и Лариса хотела Вас посмотреть, – это я уж конечно приврала, но что было делать.

Я понимала, что веду себя не очень вежливо, но, в конце концов, я же обещала Ларисе, как-то упорядочить поток гостей.

– Ну ладно, – засобиралась красотка, – ты это, выздоравливай быстрей. Поработаем ещё, – и чмокнула Стаса в щеку.

Девчонка встала, и я поняла, что этот персонаж может занять достойное место в коллекции Маэстро. Точёная фигурка, и ноги просто от ушей, а ещё и каблук. Уникальное зрелище. Посетительница прошествовала мимо меня, кивнула.

– До свидания.

– До свидания. Спасибо, что навестили Станислава Сергеевича, – я вдруг вспомнила о хороших манерах.

– Да нема за что. Мне же не трудно, – широко улыбнулась Маша.

Дверь за девушкой закрылась.

– Хороша девка! – подмигнул мне Стас, – непролазная дура, но пропорции уникальные.

Я хотела сказать, что ему всегда длинные ноги интереснее мозгов. И не сказала, ведь у меня ноги были не на много короче, чем у посетительницы.

– Ваше Величество! – обратилась я к Стасу, – напоминаю, Вашей аудиенции добивается журналистка, говорит, что ей нужно закончить интервью. Вы примете или прикажите отказать?

– Давай, приму, – Стас потянулся и лениво ответил, – неглупая девочка, для журналистки неплохо воспитана, ненаглая, вполне можно общаться.

– Но пропорции не уникальные, и мозгов слишком много, – засмеялась я, – что с ней особенно встречаться.

– Ты и маленькая была, за словом в карман не лезла. А уж сейчас…! – как-то грустно улыбнулся Стас.

– А ты помнишь меня маленькой?

– Конечно, помню. Ты забавная такая была. Помнишь, я тебя как-то увидел на бортике бассейна. Жанровая картин-

ка, вокруг зелень, вода, цветы, а в центре композиции такое утонченное создание – длинноногая цапля. Я за фотоаппаратом побежал, а ты смылась оттуда и заартачилась, что фотографироваться не хочешь. Я поуговаривал и отстал, понял, что бесполезно.

– Стас, там человек ждёт, неудобно, – прервала я поток воспоминаний.

– Ладно, иди, – снова потянулся Стас, – зови своего человека.

Я подошла к сестринскому посту, там ожидала молодая женщина. Я обратилась к ней:

– Извините, Вы Карина?

– Да, – кивнула посетительница. – Добрый день.

– Добрый день. Скажите, а это интервью надолго? Станислав Сергеевич еще слаб и быстро утомляется.

– Да Вы знаете, у нас интервью уже практически готово. Я хотела ему материал показать. И там осталось несколько вопросов. Не знаю, если только он захочет что-то рассказать об этом несчастном случае.

– Не думаю. Самое главное, очень Вас прошу, никаких «острых» вопросов и никаких волнений. И ещё, пожалуйста, недолго, – старательно выполняла я обещание, данное врачу. – Вот его палата. Проходите.

Журналистка вошла в палату. Я осталась в коридоре, по-

думала, что сейчас самое время сделать несколько звонков, а то совсем свои дела забросила. Только присела на стул и достала телефон, как почувствовала на себе чей-то взгляд, подняла глаза. По коридору шла Яна. Я ее сразу узнала, хотя видела всего один раз, и было это больше десяти лет назад.

– Ну что, сторожишь? – спросила, вновь прибывшая.

А она, при всём притом, очень неплохо выглядит, – подумала я. – Может, даже лучше, чем когда была моложе. Конечно, «пропорции не уникальные», но вполне недурны. А какая ещё женщина может быть в его жизни? Мне почему-то стало весело, я приветливо улыбнулась.

– Здравствуйте, Яна, рада Вас видеть.

Яна оторопела от моей, как ей вероятно показалось, наглости.

– Издеваешься? – сквозь зубы процедила посетительница.

– Нисколько. Просто, насколько знаю, здороваться принято. Вы думаете иначе?

Яна, естественно, проигнорировала мои слова, зашипела:

– Выкаешь мне? По телефону на ты называла.

– Это моя ошибка, но что делать, была ночь, а ночь как известно всё спишет.

– Даже говоришь, как он! Специально, чтобы меня позлить!

– Он действительно так говорит, но честно говоря, я не специально, мы с ним просто раньше очень много общались и стали говорить похоже, – миролюбиво заметила я. Че-

го мне стоило это миролюбие, сложно описать.

– Издеваешься?! – уже в голос завопила Яна.

– Тише. Здесь всё-таки больница.

– Ладно, – как-то сразу успокоилась Яна, мне даже показалось, что её эмоции это часть игры, необходимой для раскрытия образа, актриса всё-таки, пусть и не состоявшаяся. – Кто у него? – поинтересовалась «актриса», – очередная баба?

– Я не знаю, насколько она очередная, Вам виднее, но это журналистка, которая у него интервью брала ещё до несчастья. Вы, наверное, знаете это лучше меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.